

ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕРУССКОМ МЕСТНОМ НАЗВАНИИ

В летописном рассказе древнерусского автора Василия, помещенном в "Повести временных лет" под 1097 г., говорится о начале многолетней войны за Волынское княжение. Сразу же после "устроения мира" и целования креста между русскими князьями великий князь Святополк Изяславич и Давыд Игоревич Владимирский вероюмно схватили в Киеве Василька Ростиславича, князя небольшого городка Тербовля на Волыни, обвинив его в сговоре с Владимиром Мономахом. Василько Ростиславич в оковах был привезен в Белгород под Киевом и ослеплен. После ослепления Василька доставили во Владимир Волынский. "Приде же и Дѣдъ с нимъ[ъ]. аки нѣкакъ уловъ уловивъ и посадиша и въ дворѣ Вакевъ и приставища 30 мужъ стереги и 2 отрока княжа Уланъ и Колчко" (Л., 262). Обычно исследователи не обращают внимания на такую деталь, как место заключения Василька, либо однозначно определяют его как двор, дом знатного владимирца Вакея¹.

В древней истории Владимира Волынского, известной по Ипатьевской, Густынской, Софийской I, Воскресенской и другим летописям, отсутствуют лица с подобными именами, что вызывает сомнение в принадлежности двора владимирцу Вакею. В словарях М. Я. Морозкина, Н. М. Тупикова, С. Б. Веселовского и других известных нам списках древнерусских антропонимов имя Вакея также не встречается. Имени Вакея нет и в росписи всех святых, празднуемых православной церковью. Если так, то мы имеем редчайшее русское мирское имя.

Из именных дворов во Владимире известен лишь двор Вакея. Если привлечь для сравнения топографию Древнего Киева и Новгорода, история которых прослеживается по памятникам наиболее полно, то в Киеве по Ипатьевской летописи известны, кроме князей, имена владельцев семнадцати дворов, в Новгородской I летописи записано более двадцати пяти именных дворов. В этих городах почти каждое наименование двора, как правило, прямо или косвенно связывается с конкретными историческими лицами или в летописи поясняется местонахождение двора.

1. Андрияшев А. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 56; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 276. В "Именном указателе" "Повести временных лет" (М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 488) двор Вакея ошибочно указан в Звяждене.

Если все же Вакей являлся реальным лицом, современником Давыда Игоревича, то мы должны искать его среди ближайшего окружения князя, потому что в его двор под огромную стражу, по ироническому замечанию летописца "аки нѣкакъ уловъ уловиъ", посадил Давид своего пленника. Среди приближенных и приверженцев Давыда, по наущению которых был ослеплен Василько Ростиславич, нам известны лишь Туряк, Лазарь и Василь, казни которых требуют братья Ростиславичи — Володарь и освобожденный затем Василько, но предоставивший свой двор под тюрьму Вакей не упомянут.

Вызывает недоумение решение Давыда Игоревича заключить своего опасного соперника в частном доме. В связи с этим фактом рассмотрим упомянутые в летописях места заключения в Древней Руси. Специально приспособленным местом для долгого содержания под стражей был поруб. В 1036 г. Ярослав Владимирович посадил в поруб своего брата Судислава, который присидел там 23 года, в 1067 г. Изяслав Ярославич заключил в поруб Всеслава Брячиславича с двумя сыновьями. Поруб представлял собой деревянный сруб с небольшим оконцем без двери, поэтому восставшие киевляне в 1068 г., как пишет летописец, "высекоша Всеслава ис поруба". В поруб сажали, видимо, особо опасных политических противников. При массовых и срочных арестах пользовались погребями при больших дворах, подземельями, обычными избами или другими прочными сооружениями. В том же 1068 г. киевляне отворили погреб в Брячиславовом дворе и "высадили дружину свою ис погреба"². В 1093 г. в Киев пришли половецкие послы, чтобы, видимо, пересмотреть условия мира после смерти великого князя Всеволода, а новый киевский князь Святополк Изяславич "изымавъ оу всаа и въстоубку" (Л, 218). В 1158 г. восставшие новгородцы схватили князя Святослава Ростиславича и заперли его в избу, княгиню сослали в монастырь, дружину перековали и т.д. В ответ отец Святослава, киевский князь Ростислав, велел "пометать" всех бывших в Киеве новгородцев в пересеченское подземелье, где в одну ночь умерло четырнадцать человек. Еще раньше в 1136 г. новгородцы низложили "князя своего Всеволода, и всадиша в епископлъ двор с женою и с детьми и с тѣщею..." (ИН-С, 24). В 1146 г. Изяслав Мстиславич полонил Игоря Ольговича "и всадиша и въ порубъ въ монастыри у св. Иоана" (П, 57).

2. Б.А.Рыбаков ошибочно в данном случае поруб отождествляет с погребом (См.: Рыбаков Б.А. Указ. соч. С.277).

Даже по этому небольшому экскурсу можем судить, что, сажая под стражу, арестовавшие исходили, видимо, только из надежности места заключения, и не одно строение в древнерусском городе не пользовалось экстерриториальностью или каким-либо иммунитетом. Поэтому можем предположить, что дворъ Вакъевъ мог быть не только частным двором, домом, а любым надежно укрепленным местом.

Позднейшие летописи, пересказывающие события 1097 г., постепенно утрачивают и изменяют детали происшедшего, имена участников, название двора³, но при этом обращает на себя внимание чтение Московского летописного свода 1479 г. и следующей ему Воскресенской летописи, в которой записано: "И посаждъши его в к р ѣ п о с т и (разрядка наша - В.Г.) и повеле стрещи 30-мъ мужьмъ" (М, 20; В, 14)⁴.

Все эти соображения позволяют думать, что под влиянием предполагаемого имени Вакъи/Вакии произошло переосмысление сочетания въ дворъ въ Киевъ в сочетание въ дворъ Вакъевъ. Переписчики летописи, таким образом, якобы устранили явный анахронизм текста: Василько был привезен во Владимир и посажен под стражу в Киеве. В подтверждение нашей мысли можем привести чтение Ермолаевского списка ХУШ в., который, по словам А.А.Шахматова, "ближайшим образом сходствует с Хлебниковским, но исправлен еще по другому списку"⁵. В Ермолаевском списке читаем: "Песадиша и въ городъ Киевъ и приставиша"⁶. Можно думать, что переписчику не было известно название микротопонима и поэтому он заменил слово дворъ, вопреки логике ле-

3. В Львовской летописи (См.: Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 20, ч. I. С. 100. Далее ПСРЛ) въ дворъ Вакъевъ превратилось в во дворъ Какіевъ, у В.Н.Татищева (Татищев В.Н. История Российская. М., 1962. Т. 2. С. 113) записано во дворе Вахове. На основании этого мы можем сделать вывод о том, что писцы уже давно не понимали смысла переписываемого.
4. Любопытно, что Н.М.Карамзин в примечании ко 2-му тому "Истории Государства Российского" (СПб., 1818. С. 95, примеч. 182) цитирует Лаврентьевскую летопись: "И посадиша и въ дворъ Вакъевъ", а в тексте (С. 123) пишет осторожно: "И заключил в темницу".
5. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М.; Л., 1938. С. 103.
6. ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 19.

тописного рассказа, на знакомое городъ. Но все же более вероятно, что слово городъ здесь является синонимом слова дворъ и имеет значения "двор", "огороженное место" или "часть города за особой стеной"; как дано в "Словаре русского языка XI-XVII вв." (М., 1977. Вып. 4. С. 90): "а в немъ [Пскове] три города: одинъ званиемъ Кремль, а другой - Средней городъ, а в немъ Домантова стѣна, да третьей - Околней болшой городъ". Таким образом, цитируемое место летописи необходимо читать: и посадиша и въ дворъ въ Киевъ и переводить: и посадили его в Киевском дворе.

Аргументируем наше чтение. Характерно, что словосочетание въ дворъ Вакъевъ через ѣ записано в двух летописях - Лаврентьевской и Ипатьевской, а Радзивиловская, Московско-академическая, Хлебниковская, Никоновская зафиксировали въ дворъ Ваклевъ. Взаимное замещение букв ѣ и и наблюдается во всех древнейших списках летописей. Древнерусский звук, обозначаемый буквой ѣ, произносился как ѣ или дифтонг ѣе и изменился по говорам русского языка в е или и. Близость в произношении и и ѣ сделала также возможной замену исконого и на ѣ. Ср.: по истѣнь (Л, 197); онъ ли (вместо они ли - Л, 46); Чернѣгову (И, 190, 208, 211, 220), ср. укр. Чернігів; кадѣло (И, 205); по истѣнь (Р, 20 об.); въѣхом бо звѣзду его (Р, 56); поѣдѣ (Р, 186 об.), в Лаврентьевской летописи под 1150 г. - поиди.

Повторение предлогов, встречающееся в сочетании въ дворъ въ Киевъ, является характерной особенностью древнерусского синтаксиса и до сих пор сохраняется в некоторых говорах⁸. Оно нам также хорошо известно по употреблению в зачинах народных сказок, в былинах и

7. Примеры здесь и далее о фонетических изменениях в языке летописей извлечены из работ: Некрасов Н.П. Заметки о языке "Повести временных лет" по Лаврентьевскому списку летописи. СПб., 1897; Никольский А.А. О языке Ипатьевской летописи. Варшава, 1899; Ганцов В.М. Особенности языка Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи // Изв.ОРАС. 1927. Т.32.С.177-242; Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. Любопытно, что А.А.Никольский (Указ.соч. С.30), видимо, случайно прочитал вакъевъ в два слова и, никак не оговаривая свое чтение, включил слово Кіевъ в перечень примеров, где ѣ замещает исконое и.

8. Гринкова Н.П. Некоторые случаи повторения предлогов в кировских диалектах // Язык и мышление. М., 1948. Т. II. С.91-103.

исторических песнях⁹, а в современной художественной литературе — в стилизации архаичной речи.

В превращении ѣ в во втором предлоге можно предположить промежуточную ступень о. После падения редуцированных ѣ и ѡ в слабой позиции утрачиваются и пропускаются на письме, а в сильной позиции заменяются гласными полного образования о и е. Древнерусские писцы при переписывании стремились сохранить написание подлинника и часто вместо вновь образованного о писали ѣ, но влияние живого произношения было настолько сильным, что буква о возникала не только на месте ѣ в сильной позиции, но и на месте ѣ в слабой позиции. Хотя основные списки "Повести временных лет" относительно поздние, конца XIV-XV вв., и отражают письмо, нормализованное после падения редуцированных, в них также находим употребление о вместо слабого ѣ. Ср.: рѣчь Рогонѣдину (Р, 42 об.); избытоко новгородцевѣ (Р, 79 об.).

Замена слабого ѣ на гласный полного образования в конце односложных предлогов къ, въ, съ по памятникам могла возникнуть перед словами, начинающимися с согласных. Появление новых форм предлогов ко, во, со, сохранившихся и в современном русском языке, устранило стечение труднопроизносимых групп согласных, ср. во водѣ (И, 327); ко Рогѣволоду (И, 75).

Не следует забывать, что речь идет о событиях, происшедших и записанных первоначально на Волини. Поэтому для группы южнорусских летописей XV-XVI вв. — Ипатьевской, Радзивилловской, Хлебниковской и более поздних московских летописей¹⁰ в изменении гипотетической формы во (<въ) Киевѣ в Вакѣевѣ можно смело предположить аканье, т.е. неразличение о и а в безударном слове. Ср. а вместо о: Вячеславѣ (Р, 183 об.); прокапавше (Р, 131); съ Болеславѣ¹¹; подабаеѣ (И, 174); ва своей землѣ (И, 716). В Лаврентьевской летописи конца XIV в. написание а вместо о в безударном слове, если не брать во внимание собственные имена и лексические заимствования, зафикси-

9. "В стольном в городе во Киеве

У славного, сударь, князя у Владимира

Три годы Добрынюшка стольничал..." (Древние русские стихотворения, собранные Киршем Даниловым. М., 1938. С. 44).

10. Р новгородских летописях ослепление Василька не отражается.

11. Ср. съ Болеславомѣ (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. СПб., 1871. С. 105, строка 16).

ровано в единственном слове одалати (вместо одолѣти) (Л, 69, 121, 142, 240)¹². Полагаем, что Вакѣвъ в северо-восточное летописание попало уже из источника Лаврентия.

Заканчивая анализ языковых условий, способствовавших превращению сочетания въ дворѣ въ Киевѣ в въ дворѣ Вакѣвъ, необходимо сказать о том, что в раннем древнерусском языке такие именные сочетания, как около Илмеря, внити в-Илмерь озеро, прити въ Поноть моря, Днѣпръ рѣка, во двори Поромони (Л, 6-7, 140), с препозицией и постпозицией определения – собственного имени были более обычны, чем сочетания прилагательного и существительного типа Понетское море, над рѣкою Днѣпрскою (Л, 7, 17). Как заметил А.А.Потебня, "различие между существительными и прилагательными уменьшается по направлению к прошедшему... в существительном в том же направлении увеличивается атрибутивность"¹³. К моменту появления дошедших до нас списков "Повести временных лет" в языке уже установилась достаточно четкая дифференциация номинативного и атрибутивного значений между существительными и прилагательными, и переписчики атрибутивное значение определения – существительного Киевѣ в сочетании въ дворѣ въ Киевѣ, видимо, уже не ощущали. Вместе с тем ошибочно читаемая форма слова Вакѣвъ попадает в круг притяжательных прилагательных, которые в способе выражения принадлежности занимали по сравнению с современным языком господствующее положение над родительным падежом принадлежности¹⁴. Ср. дворѣ Гордятинѣ и Ни[ки]фо[ро]въ; дворѣ Воротиславль и Чюдин[ъ] (Л, 5).

Итак, в языковом отношении чтение словосочетания въ дворѣ въ Киевѣ как въ дворѣ Вакѣвъ в летописных источниках конца XIV-XV вв. вполне возможно.

Казалось бы, чтению цитируемого места летописи как въ дворѣ въ Киевѣ противоречит существование деревни Вакеево, расположенной

12. Е.Ф.Будде ясный пример аканья в Лаврентьевской летописи видит в написании надъ ручаемъ (Будде Е.Ф. Из занятий по языку Лаврентьевского списка Начальной летописи // Филолог. зап. СПб., 1891. Вып.3. С.41).

13. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т.3. С.37, 102-132.

14. Борковский В.К., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С.422.

примерно в 50 километрах от Владимира Волынского на берегу реки Гучвы, левого притока Западного Буга. М.Н.Тихомиров в монографии "Древнерусские города" замечает, что близость деревни Вакеево к Владимиру, где с конца XI в. был известен двор Вакеев, позволяет видеть в этой деревне одно из древнейших сельских поселений¹⁵.

Владимир Волынский и деревня Вакеево (польск. Wakiów) находятся на польско-русском пограничье, но среди русских и польских географических названий, кроме интересующей нас деревни Вакеево, не встречаем ни одного похожего топонима¹⁶. В конце XIX в., изучая историю червенских городов, А.В.Лонгинов пришел к выводу, что на месте почти смежных деревень Чермно и Вакеево находился древнерусский город Червень¹⁷. Как пишет далее исследователь, "сохранилось только между туземцами предание, что... одна из улиц (Червенска) называлась Киевскою, по-народному "во Киев". Через деревню, действительно, проходил торговый путь, связывавший Западную Европу через Владимир с Киевом, и название Вакеево, по А.В.Лонгинову, "не могло иметь иного значения, кроме указания дороги в Киев". Время основания Вакеево неизвестно, а название документировано лишь в конце XVIII в.¹⁸ Происхождение деревни, как и его названия, видимо, требует дополнительных разысканий. Для нашего исследования важно то, что "владельческое" по словообразовательной модели название деревни, в конечном счете, связывается с Киевом, а не с легендарным носителем имени Вакей.

Полагаем, что киевским двором во Владимире Волынском называли торговый двор, где постоянно или периодически проживали киевские купцы, находились их складочные места, возможно, была церковь, посвященная памяти святого покровителя киевлян.

15. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С.325.

16. См.: Vasmer M. Russisches geographisches Namenbuch. Wiesbaden, 1964. Bd.1, Lief.3. S.629; Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1891. T.12. S.899.

17. Допадку историка подтвердили, в целом, раскопки польских археологов 1952 г. (Giegstor A. Prace badawcze na obszarze grodów Czerwieńskich // Kwartalnik historyczny. Warszawa, 1953. № 1. S.302-316).

18. Лонгинов А.В. Червенские города. Варшава, 1885. С.83, 179-186.

М.Н.Тихомиров пишет, что "средневековый город с трудом мыслится без существования купеческих и ремесленных организаций, так как развитие торговли и ремесла во времена феодальной раздробленности властно требовало от ремесленников и купцов объединения"¹⁹. На Руси старейшим купеческим объединением, документированным в памятниках, было Иванское сто, возникшее при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде. Дошедший до нас устав Иванского ста является одним из древнейших уставов подобного рода в Северной Европе. Кроме самого мощного объединения – Иванского ста, в Новгороде существовали и другие купеческие объединения, торговавшие с русскими княжествами и иностранными государствами. Их существование доказывается "известиями о церквях, принадлежавших новгородцам в некоторых русских и иностранных городах. Подобная церковь должна была являться не столько местом для богомолья приезжавших купцов, сколько складочным местом, своего рода гостиним двором"²⁰. Поэтому "постройкой своей церковь резко отличалась от нынешней: она строилась с темными камерами ("комары") или налетами наверху, т.е. хорами, которые назначались не для слушания богослужения, а для склада товаров; точно так же под полом церкви устроены были подвалы, клетки, как тогда их называли, в которых хранилось наиболее драгоценное имущество"²¹. То, что церковь служила хранилищем товаров, подтверждает Синодальный список Новгородской I летописи. Во время большого новгородского пожара 1217 г. "въ Варязьской божници изгорѣ товаръ весь варязьскимъ бещисла; а церквии съгорѣ 15, а у каменныхъ вѣрхы огорѣша и притвори" (ІН-С, 57).

Новгородцы имели свой торговый двор и церковь святого Михаила в Киеве. Анализируя ход киевского восстания 1147 г., М.Н.Тихомиров пришел к выводу, что новгородцы жили при церкви постоянно²². Гости новгородские вели оживленную торговлю по Волге, там, где сухопутный путь превращался в речной, в Новом Торге, современном Торжке, появились склады новгородцев, торговый двор и церковь св.Михаила. О масштабах новгородской торговли по Волге говорит такой факт: ког-

19. Тихомиров М.Н. Указ. соч. С.114.

20. Там же. С.121.

21. Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX-XIV вв. М., 1905. С.72.

22. Тихомиров М.Н. Указ. соч. С.122.

да в 1215 г. Ярослав Всеволодович взял Торжок, он перехватил там около 2000 новгородских купцов, большинство из которых, надо думать, жило в Торжке постоянно. В самом Новгороде располагался Псковский торговый двор.

Естественно, торговые дворы именовались по названию страны, народности или города, с которым велась торговля. С середины XII в. в Новгороде был Готский двор с церковью св. Олафа, названный по о. Готланду, с 1184 г. существовал в Новгороде же Немецкий двор с церковью св. Петра. Был Немецкий двор и в Смоленске. В Киеве в начале XII в. упоминается квартал, примыкавший к Жидовским воротам города, где торговали жида. В свою очередь, русские торговые дворы были при иноземных центрах: Юрьеве (Дерпте), Колыважи (Ревеле), Любеке, г. Висби на Готланде²³.

Русские торговые колонии за рубежом были известны уже в глубокой древности. Арабский путешественник Ибн-Фадлан, побывавший в начале X в. в Камской Булгарии, так описывает прибытие русов-купцов: "Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атыле, а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева. И собирается (их) в одном (таком) доме десять и двадцать"²⁴. Таким образом, здесь мы имеем прямое свидетельство существования купеческого подворья. Многочисленная русская колония постоянно проживала и в восточной торговой части казарской столицы Итиля — Хазеране. П. П. Мельгунов, правда, без ссылки на источник, самый богатый квартал в Хазеране прямо называет Славянским²⁵. М. Н. Тихомиров по рассказу новгородского архиепископа Антония, посетившего византийскую столицу около 1200 г., установил существование в Константинополе русского торгового квартала — "Русского убола" (εμβολος), расположенного в районе церкви святого Георгия, особо почитаемого на Руси²⁶.

По названию городов и народов, с которыми устанавливались различные отношения, названы Прусская и Чудинцева улицы в Новгороде, Варяжская в Ладоге, Лядские, Жидовские и Угорские ворота в Киеве,

23. Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 122.

24. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 162.

25. Мельгунов П. П. Указ. соч. С. 16.

26. Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 125-126.

Немецкие ворота в Галиче и т.п. Главный для Киевской Руси путь в Византию назывался греческим, а купцы, торгующие с Константинополем, — "гречниками", как купцы, торгующие с Киевом, назывались в Регенсбурге по немецкой грамоте XII в. "рузариями"²⁷.

Один из крупнейших городов Древней Руси — Владимир Волынский, несмотря на скудость письменных источников, занимал, видимо, не последнее место в русской торговле. Дореволюционные авторы и народные предания указывают на необыкновенно обширные размеры древнего Владимира²⁸. Немногие летописные данные говорят также о больших размерах Владимира. Исследователи обычно ссылаются на слова венгерского короля Андрея, который подошел к Владимиру в 1231 г., подивился на него и сказал: "Яко така града не изобрѣтохъ ни в Нѣмѣчкыхъ странахъ, тако сущу оружьникомъ стоящимъ на немъ, блистахуся щити и оружници подобни солнцю" (И, 765). В 1261 г. по требованию татарского полководца Бурундая Василько Романович был вынужден сжечь городские стены, "зана не мощно быс[ть] розметати вборзѣ его величествомъ" (И, 850). Археологические раскопки, в основном, подтвердили значительные размеры города, показали, что Владимир в XI—XIII вв. вышел уже за пределы городских валов²⁹. В ходе войны после ослепления Василька на городских стенах был убит стрелой "на заборолахъ свкажнею" (через бойницу стены) Мстислав Святополкович. По топографическому плану города А.Цинкаловского, древний Владимир насчитывал около десяти городских ворот, названия двух из них известны нам по Ипатьевской летописи — Гридшины и Киевские (И, 486).

Владимир Волынский лежал на древних торговых путях. Располагаясь на центральном участке второго пути "из варяг в греки": Балтийское море — Висла — Западный Буг — Днестр — Черное море, город был оборудован "узозами", т.е. причалами для выгрузки судов. Важнейшая сухопутная дорога, связывающая Русь с Западной Европой, также проходила через Владимир, она имела наибольшее значение из всех дорог Польши до XIV в. Видимо, регенсбургские "рузарии" ходили также че-

27. Василевский В. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888, № 7. С.144—145.

28. Андрияшев А. Указ, соч. С.54—57.

29. Цинкаловський О. Матеріали до археології Володимирського повіту // Зап. Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1937. Т.154. С.183—214; С.197 (Топографический план древнего Владимира).

рез Владимир. Предметом торговли окружающих земель с Волынским княжеством и транзитной торговли через Владимир были: из Венгрии - кони, серебро, мрамор, стекло; от половцев - кони, верблюды, буйволы, невольники; из Византии - вина, шелка, пряности, рыба, предметы роскоши; из Западной Европы - шерсть, сукно; из Руси - меха, воск, кони и т.д. и т.п. Волынь сама вывозила хлеб, предметы ремесла ("русские" замки, шиферные пряслица). Видимо, в торговых операциях Владимира большое место занимала соль. Когда великий князь Святополк Изяславич после ослепления Василька не пустил "гостей из Галича, ни людей з Перемышля, и не бысть соли въ всей русской земли"³⁰. Исследовав торговые связи Волынской земли, В.Т.Пашуто пришел к выводу, что "есть, таким образом, все основания утверждать, что среди населения юго-западных городов был значительный слой людей, связанных с торговлей, - купцов - "добрых людей"³¹. Следовательно, чужеземные купцы и русские из других княжеств постоянно бывали во Владимире. Обращает на себя внимание свидетельство, правда, довольно позднее (1289 г.), Ипатьевской летописи: смерть Василька Владимировича, одного из самых популярных на Волыни князей, оплакивали "все множество Володимирчевъ. мужи и жены и дѣти. Нѣмци. и Сурожѣцѣ и Новгородци. и Жидове плакуся. аки и во взятѣ Иер[у]с[а]л[им]у" (И, 920). Видимо, это были купцы, приехавшие или подолгу живущие во Владимире.

Именно таким первым документированным свидетельством существования торгового двора, который одновременно был, видимо, и гостиным, мы считаем упоминание в летописи Киевского двора во Владимире. Не исключено, что это был двор владимирских купцов, торгующих с Киевом. Мы из летописной записи не можем судить о наличии при торговом дворе своей церкви. Заточение в церкви - событие чрезвычайное, не применявшееся, как и ослепление, до этого на Руси, и церковь обязательно была бы упомянута по имени святого, как обычно пишут в летописях. Несомненно то, что товары хранились в торговом дворе не менее надежно, чем в церковных стенах. Заточение Василька в торговом дворе не вызвало затруднений с размещением большой охраны. Не удивляет нас и заключение Василька под стражу во дворе киевских

30. Патерик Киево-Печорского монастыря. СПб., 1911. С.108. Подробнее о торговле Владимира см.: Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С.166-175.

31. Пашуто В.Т. Указ. соч. С.174.

купцов, так как великий князь Святослав выступил соучастником Дела Игорева, о "преступлении" Василька Ростиславича официально было объявлено на киевском вече, а за шесть дней, в течение которых везли Василька по "грудному" пути, горожане, конечно, были обо всем извещены.

Располагая скудными археологическими данными, трудно топографически определить местоположение Киевского двора во Владимире. Возможно, торговый двор киевлян располагался на восточной окраине внутри городских валов сразу за Киевскими воротами.

Сокращения источников

В - Воскресенская летопись XVI в. // ПСРЛ. СПб., 1856. Т.7.

И - Ипатьевская летопись 20-х годов XV в. // ПСРЛ. СПб., 1908.

Т.2.

ИН-С - Синодальный список Новгородской I летописи первой половины XIV в. // Новгород. Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Л - Лаврентьевская летопись 1377 г. // ПСРЛ. Л., 1926. Т.1.

М - Московский летописный свод 1479 г. // ПСРЛ. М.; Л., 1949.

Т.25.

П - Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 годов). М., 1851.

Р - Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902.

Т.1.

Ю.И.Чайкина

Вологодский пединститут

К ГЕОГРАФИИ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН КРЕСТЬЯН В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Исследуя личные имена разных сословий русского народа, в том числе и крестьянские, ученые обращаются по преимуществу к древним памятникам, чаще к деловой письменности, ибо именно в ней содержится значительное количество антропонимов. В последние десятилетия все новые жанры деловых документов привлекаются для изучения лич-